

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

УДК 94(47)

РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

© Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор философских наук,
профессор кафедры философии, e-mail: mnv88@mail.ru

Рассматривается вопрос о генезисе русской философии; обосновывается идея детерминированности русской светской философской традиции внефилософской предпосылкой, связанной с осуществлением национального идентификационного процесса. В процессе обсуждения специфики национальной философской традиции затрагивается проблема применения соответствующей методологии историко-философского исследования, а также определяются задачи, связанные с претворением философских традиций русской философии. Методологически важным условием разумного и эффективного освоения отечественного философского наследия является умение видеть не только своеобразие и уникальность русской философии, ее отличия от философии Запада, но также и то, что связывает русскую философию с философией Запада, что делает ее разновидностью европейской традиции философствования. Тем самым особенно актуальной становится задача реального включения русского философского процесса в контекст европейской философии. Чтобы решить эту задачу, следует выявлять внутренние и внешние связи русской философии с более известными философскими традициями, а не отделять ее от них во имя мнимой уникальности. Это поможет построить более адекватные схемы историко-философского процесса в России. Уникальный опыт, который привнесла русская интеллектуальная культура в мировую философию, обретает значение только по достижении общечеловеческих смыслов.

Ключевые слова: исторический опыт; российская история; духовная культура; русская философская традиция; историко-философский процесс; российское государство.

Обсуждение проблем отечественной философской традиции, ее особенностей, характера и направленности развития, как правило, сопровождается разделением участников дискуссии на два противоположных лагеря: на тех, кто убежден в уникальности и самобытности национальной философии, и тех, кто считает подобный акцент абберрацией представления о подлинной сути философской науки и природе философского знания. Следует отметить, что начавшийся в первой половине XIX в. спор отечественных интеллектуалов по вопросу о национальных характеристиках философии свидетельствовал о достигнутой зрелости сознания нации, выражением которого является философия, а также о назревшей в обществе потребности осмыслить духовно-исторический опыт российского национального государства.

Несомненно, стремление ограничить философию интересами и языком одной куль-

турной традиции неизбежно оказывается прокрустовым ложем и даже противоречит давней миссии философского исследования, направленного на поиски общезначимой истины. Поскольку философия – это наднациональная теоретическая форма деятельности, устремленная к обретению и приращению смыслов, постольку специфика русской философии, ее интеллектуальные итоги должны постигаться нами в контексте мировой историко-философской традиции, а не в отрыве от нее. Отсюда следует, что оценку любых национальных философских концепций необходимо осуществлять в рамках универсальной теоретической рефлексии. Так, М. Мармашвили сравнивал всю мировую философию с одним единым целостным человеком, «мыслящим вечно и непрерывно». «Если мы серьезно и глубоко испытаем опыт сознания, – говорил он, – то не исключено, что обязательно помыслим то, что мысли-

лось другими, до нас, или мыслится кем-то рядом, или будет помыслено после нас, совершенно независимо от заимствований, от каких-то влияний, плагиата и т. п. Потому что мы имеем здесь дело... с чтением опыта сознания» [1, с. 286]. Акты философствования погружают нас в некую вертикаль, существование, а не в хронологическую последовательность. Вместе с тем очевидно и то, что в философской активности любого мыслителя присутствует исторический и культурный контекст, которым исследователю нельзя пренебрегать, руководствуясь принципом историзма. История философии постоянно подтверждает наличие культурно-исторической матрицы, на основе которой философы формируют свою собственную картину мира. При этом великие мыслители наделены способностью трансформировать национально-исторический контекст, в котором рождаются их значимые идеи, до общезначимого уровня теоретической рефлексии.

В своих внешних формах проявления философия предстает, главным образом, в виде *истории идей*, как принято сегодня выражаться. Люди сталкиваются с определенными проблемами, которые остаются постоянными на протяжении длительного времени. Эти идеи живут и обладают собственной историей в той мере, в какой они оказывают воздействие на человеческую судьбу. Если люди философствуют, то они так поступают в ответ на социальные запросы (обстоятельства или условия их существования), которые часто внешне исторически опознаваемы. Разнообразные проблемы философии связаны с конкретными людьми. По этой причине философию нельзя интерпретировать только как учение, скорее ее следует толковать как своеобразную человеческую активность, как *деятельность*. Это означает, что для понимания философии, а лучше, определенного мыслителя, нам сначала необходимо осознать те проблемы, те мировоззренческие установки, которые сформировали в нем потребность в таком особом способе мышления, каковым является философия.

Философский ландшафт России, стремительно преобразившийся за последние два десятилетия, в значительной мере определяется сегодня возвращением к нам русской религиозной философии. Православная духовная традиция стала рассматриваться мно-

гими историками философии как магистральная линия развития истории русской мысли. Несомненно, религиозная философия была плодотворной и преобладающей тенденцией отечественной философской традиции конца XIX – начала XX в., но она не была единственной. Вместе с тем в среде специалистов по истории отечественной мысли высказывается мнение, что «...определение «русская религиозная философия» нужно понимать не в смысле противопоставления разных традиций внутри русской мысли, а в том, что здесь фиксируется *всеобщая характеристика этой мысли*» [2, с. 122]. Такое воззрение подкрепляется утверждением, что «до возникновения развитой философии метафизическое ядро культуры существует в качестве *религиозного основания культуры*» [2, с. 119]. Однако убежденность в нерасторжимой связи национальной культуры со специфическим типом религиозного сознания вовсе не снимает для исследователя вопроса о природе и механизме преемственности, развития философских идей. Не секрет, что неподдельный интерес людей к *философским традициям* обусловлен как раз стремлением выявить и понять внутреннюю нерасторжимую связь между прошлым и современным этапами развития философии. Такая связь в действительности выражает природу философии и обнаруживается в нашем обращении к ее истории. Подчеркивая фундаментальную роль метафизической проблемы в форме взаимодействия личности и Абсолюта для идентификации особенностей национальной культуры, важно определить и обосновать те духовные ориентиры, которые способствуют современному российскому обществу утвердиться в своем социальном бытии и разрешить назревшие проблемы.

В представленной статье рассматривается вопрос о генезисе русской философии; обосновывается идея детерминированности русской светской философской традиции внефилософской предпосылкой, связанной с осуществлением национального идентификационного процесса. В процессе обсуждения специфики национальной философской традиции затрагивается проблема применения соответствующей методологии историко-философского исследования, а также определяются задачи, связанные с претворением философских традиций русской философии.

Философская традиция является составной частью культурно-исторической традиции и выполняет аналогичные с нею функции, а именно: обеспечение сохранения и трансляции накопленного и социально-организованного наследия из поколения в поколение [3]. Философский опыт оценки традиции способен приобретать различные модальности, поскольку критическое сознание при обращении к традиции стремится заново ее переосмыслить. Рассуждать о философской традиции – значит говорить о специфике самой философии как специфической духовной деятельности людей. Только через сопоставление философии с другими формами общественного сознания – наукой, религией, мифом – мы способны понять место и роль философской традиции в человеческой культуре.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

В русской философии, как и в любой другой, традиции – неперемнная ее принадлежность. Они скрепляют ее, делают целостной, не дают распадаться на отдельные, полностью обособленные части – в соответствии с историческими периодами, или же направлениями, школами [4, с. 120]. Русская философия, ее прошлое способны воздействовать на настоящее, его представителей, как нечто целостное. «Я наследую, – писал о себе Н.А. Бердяев, – традицию славянофилов и западников, Чаадаева и Хомякова, Герцена и Белинского, даже Бакунина и Чернышевского, несмотря на различие мирозерцаний, и более всего Ф. Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова» [5, с. 10].

В России долгое время вплоть до начала XIX в. не существовали те условия, наличие которых обеспечило бы привитие к ее национальной культуре философии и ее самостоятельное существование. Дело в том, что отсутствовала та социальная и культурная среда, для которой была бы насущна философская компонента жизни. Философская традиция была, но деятельность отдельных одаренных личностей, наделенных философским воображением, не принесла соответствующих результатов в виде оригинальных идей. Причина этого кроется в том, что фи-

лософская традиция имела в России подчеркнuto профессиональный характер [6, с. 6].

Проблема культурно-исторической традиции приобрела первостепенное значение в русской философии в 1830–1850-е гг., послужив основанием идейных споров западников и славянофилов о судьбе России. Начало спорам положило «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, в котором утверждалось, что Россия, в отличие от других стран, не обладает сколько-нибудь значительными и прочными историческими традициями, что история ее лишена какой-либо общей идеи и закономерного развития [7, с. 95]. Следует сказать, что у западников и славянофилов идея традиции приобрела противоположные смыслы. У самого П.Я. Чаадаева основанием для понимания традиции служили две идеи, а именно: идея сохранения и идея уничтожения. Сохранение он отождествлял с благом, добром, уничтожение – со злом. «Всякая идея совершенства, красоты, гармонии, добродетели, любви есть, – утверждал он, – только видоизменение идеи сохранения; всякая идея несовершенства, безобразия, раздора, порока, ненависти есть видоизменение идеи уничтожения» [8, с. 454]. По мнению П.Я. Чаадаева, Россия лишена традиций, сложившихся в многовековом развитии европейских стран, на которых основана жизнь народов, из которых «вырастает их будущее и происходит их нравственное развитие» [8, с. 325]. Поэтому она должна обратиться к опыту Европы, к ее духовным ценностям и традициям. И хотя традиция у самого П.Я. Чаадаева подразумевала устойчивость, сохранение, но в применении к России (страны без традиций) традиции нужно создавать, изменяя общественное сознание и общественное устройство. В результате «идея традиции неожиданно оказалась связанной с инновационно-реформаторскими устремлениями» [7, с. 98]. Мысли П.Я. Чаадаева стали в истории русской философии источником двух противоположных трактовок проблемы культурно-исторических традиций: славянофильской апологии самобытных российских традиций, с одной стороны, и западнических установок по реализации определенного социального идеала в отсутствие в стране исторических традиций, с другой.

Примечателен тот факт, что инициированные П.Я. Чаадаевым идейные споры дали

мощный импульс становлению отечественной философии как сегмента национальной духовной культуры. Философия начала принимать вид регулярного непрерывного дискурса, востребованного умственной элитой, в котором значительное место стала занимать историософская проблематика. Дискуссии об историческом опыте России, ее будущем сопровождались вызреванием эффективных философских практик, призванных обосновать справедливость той или иной мировоззренческой позиции. «Чаадаевский вызов» обнажил кризис национального мышления в отсутствие всякой надежды на обретение прочной духовной опоры в национальной истории и в культуре. Таким образом, первоначальные теоретические размышления славянофилов и западников, направленные на реконструкцию логики российской истории, послужили основой для последовательной содержательной экспликации наиболее существенных исходных установок национального мировоззрения. Рефлексия, раскрывающая историю русского мирозерцания в его целостности, была порождена внефилософской предпосылкой, а именно: необходимостью осуществления национального идентификационного процесса.

Нельзя отрицать огромную специфику историко-философского процесса в России по сравнению с западноевропейским, выражающейся в особых формах его проявления, наборе проблем, времени и темпах его развертывания. Особенности тысячелетней истории страны отражались на русском общественном сознании, в т. ч. философском. Русские философские традиции в ходе истории трансформировались под влиянием внешних воздействий. Так, в X в. в результате крещения Руси русская философская мысль приобрела статус христианской. В XVIII в. русская философия испытывала влияние французской философии, в XIX в. – немецкой. Вторая половина XIX в. ознаменована непосредственным воздействием марксистской философии на некоторые течения в русской мысли. «Посторонние воздействия на русскую философию, ее традиции оказались сложными, диалектическими по своему характеру и последствиям» [4, с. 178]. Необходимо также учитывать то обстоятельство, что *единую русскую культуру* постоянно сопровождало *раздвоение*, а временами и

разрыв на «официальную» – «неофициальную», «легальную» – «нелегальную», «прогрессивную» – «консервативную», «революционную» – «контрреволюционную», «традиционалистскую» – «авангардистскую», «советскую» – «эмигрантскую», что препятствовало созданию единого дискурсивного пространства и спокойному обмену мнениями между философами как представителями этой культуры [9, с. 12]. Вместе с тем резкие повороты российской истории, временные выпадения отдельных идейных структур, внешние воздействия оказались не в силах сломить отечественные философские традиции, прервать их.

О ХАРАКТЕРЕ И НАПРАВЛЕННОСТИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Переходный постсоветский период мотивировал в среде профессиональных философов дискуссию о характере и направленности историко-философского процесса в России. С началом 1990-х гг. марксизм как официальная философская доктрина советского государства утратил свои доминирующие позиции в сфере образования, науки, средств массовой информации. И хотя марксистская философия подверглась остракизму молодыми политическими группами, сегодня она сохраняет довольно прочное влияние в академических кругах. В условиях демократизации философия в России получила безграничную свободу. Отсутствие идеологического прессы, цензуры позволило специалистам глубоко и всесторонне исследовать дореволюционную и пореволюционную традицию русской философии, понять воздействие философии русской эмиграции на западную культуру. В результате нам открылась грандиозная панорама русского философского ренессанса конца XIX – начала XX в. Правда, сегодня остается открытым вопрос, каким путем будет и / или должна развиваться философия в России? Какая философия нужна современной России? Все ли традиции русской философии необходимо сохранять и претворять? Способна ли русская религиозная философия с ее рецептами и решениями консолидировать современное российское общество? Отвечает ли она реальным чаяниям России – моральным, социальным, эконо-

мическим и политическим? Не приведет ли государственная поддержка ортодоксальной философии к культурной изоляции России?

В результате размышлений и поиска ответов на эти вопросы в среде специалистов сложились две противоположные позиции о путях развития русской философской культуры.

Согласно первой точке зрения, развитие интеллектуальной мысли в России должно быть направлено в сторону сохранения своеобразия русской философии. Здесь акцентируется необходимость всячески оберегать русскую национальную традицию от посягательств извне. Сторонники данной позиции рассуждают о «сущностных» чертах русского философствования, его уникальности, тесных связей с православием. Своеобразие отечественной философии многим исследователям видится, прежде всего, в ее религиозном характере, в том, что почвой своей она обязана православному христианству и старому укладу жизни. Такая установка ориентирована на дореволюционный период, усматривает в нем некое идиллическое состояние, гармонию, идеальную среду для творчества.

Вторая точка зрения основывается на представлении об универсальной природе философского знания и деятельности. Философия, как и наука, имеет общечеловеческий характер, общемировое значение и никак не зависит от характера той территории, на которой она случайным образом возникает. Из этого тезиса следует вывод, что к истории философии можно относиться как к архиву; значима, главным образом, современная философия. «Русская философия – отдаленное прошлое и ценна исключительно своей экзотичностью» [10, с. 7].

Эти две противоположные позиции коррелируют с двумя моделями объяснения историко-философского процесса – культурологической (партикулярной) и логико-теоретической (универсальной). Обе эти модели исследования различаются по цели и применяемому методу. В первом случае ставится цель изучения истории национальной философии, ее роль в жизни именно данной нации, в формировании других отраслей духовной культуры, соответственно привлекается специальный, культурологический метод исследования. Методологическая концепция, признающая специфику русского

историко-философского процесса, является разновидностью теории культурно-исторических типов, которую в России в XIX в. представляли А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский, а на Западе – Г. Риккерт.

Во втором случае прослеживается поступательный ход проникновения человечества в предмет философии философскими, историографическими методами. История философии рассматривается как история когнитивной деятельности человека, направленная на постижение форм всеобщего. «Но т. к. формы всеобщего – поскольку они всеобщие – одни и те же для всех народов – то и оказывается, что мыслители разных народов постигают один и тот же предмет. Обладая, в сущности, одинаковым познавательным аппаратом, все они оказываются участниками единого всемирного историко-философского процесса» [11, с. 66].

Следует отметить, что исследователь, решая проблему периодизации русской философии, вынужден опираться на собственный образ философии, на свое представление о том, что есть философия. Вместе с тем философия по определению является теоретическим мировоззрением, т. е. «понятийной» формой специфического вида знания (знания о формах всеобщего). Поэтому недопустимо предельно широко толковать предмет философии и соответственно истории философии, т. к. это ведет к созданию искаженной версии русской философии.

Процесс становления философии в средневековой Руси как самостоятельной дисциплины осуществлялся тем же способом, что и на Западе, а именно посредством секуляризации религиозной мысли. Далеко не случайно В.В. Зеньковский настойчиво подчеркивал, что «ключ к *диалектике* русской философской мысли надо, по-моему, искать в *проблеме секуляризма*» [12, с. 232]. Философия постепенно освобождалась от богословия. Становление философии в России как светской дисциплины относится к началу XVIII в., когда в 1724 г. указом Петра Великого был основан Академический университет вместе с Академией наук. Существовавшая до этого Славяно-Греко-Латинская академия в Москве была, в сущности, духовным учебным заведением, далеким от запросов бурно развивающегося светского общества XVIII в. Таким образом, историко-филосо-

софский процесс в России развивался примерно по тем же законам, что и на Западе. Философия как светская наука обрела свое незыблемое место в национальной культуре России только к последней трети XIX в. К тому времени в России сложились возможности профессионального философствования, в первую очередь, в обоих столичных университетах [6, с. 7].

Сегодня перед исследователями отечественной философской культуры стоят непростые задачи, связанные с претворением философских традиций. Необходимо переосмыслить установившийся в среде специалистов подход к истории русской философии. Историки философии должны, прежде всего, заниматься изучением теоретического содержания русской мысли. Важно устранить образовавшийся перекокс, связанный со стремлением специалистов свести русскую философию только к религиозной, отказываясь при этом переосмыслить достижения светской мысли в России. Важно помнить, что богатство мировой культуры, в т. ч. философской, достигается многообразием ее национальных форм. Разнообразные традиции национальной культуры, включая философскую культуру, не должны редуцироваться к одной, ангажированной властными структурами и отвечающей идеологическим запросам государства.

Традиция национальной русской философии должна приобретать смысл непрерывности и целостности в рамках изменения. «Традиция, – как говорил Гегель, – не есть неподвижная статуя: она – живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока. Содержанием этой традиции является то, что создал духовный мир, а всеобщий дух никогда не останавливается в своем движении» [13, с. 78]. Традиция непременно должна сопровождаться новацией как диалектически связанным явлением. Нельзя понять традицию, если интерпретировать ее только содержательно как набор верований или учений. Традицию следует понимать как действие или деятельность людей.

Традиции можно разделить на подлинные и мнимые. Первые – расширяют возможности человеческого духа, стимулируют развитие философской деятельности. Вторые – препятствуют формированию самостоятель-

ного мышления, пониманию актуальных и неотложных задач в сфере духовной культуры. По словам М. Хайдеггера, «подлинная традиция в столь малой мере баржа с грузом прошлого, которую мы тащим за собой, что она, наоборот, освобождает нас в настоящее, становясь так главным путеводителем в дело мысли» [14, с. 381].

Сами по себе традиции (даже «мнимые») не виновны в деградации национального духа. Угроза для интеллектуальной деятельности исходит из определенной моральной установки, занимаемой исследователями к национальной философской традиции, которая не должна трансформироваться в узко шовинистическую позицию, в ее бездумную апологетику. Перефразировав известное выражение Г.-Г. Гадамера, можно утверждать, что в действительности не традиция принадлежит нам, а мы принадлежим традиции. Тезис о необходимости возрождения и развития традиций русской философской культуры не означает, что мы должны принять ее достижения без всякой критики. Напротив, следует слушать голос традиции, всерьез принимать его и вступать с ним в разговор. Ибо только в традиции, а не вне ее, можно варьировать, возобновлять, продолжать и оспаривать голос Другого. Важно понять, что «апологетическое отношение к нашему философскому наследию не помогает извлечь из него действительно конструктивные мотивы. Это возможно только на почве объективной рациональной аналитики и той непредвзятости философских оценок, которые являются естественным следствием автономного и незаинтересованного отвлеченного мышления» [6, с. 11].

Методологически важным условием разумного и эффективного освоения отечественного философского наследия является умение видеть не только своеобразие и уникальность русской философии, ее отличия от философии Запада, но также и то, что связывает русскую философию с философией Запада, что делает ее разновидностью европейской традиции философствования. Тем самым особенно актуальной становится задача реального включения русского философского процесса в контекст европейской философии. Чтобы решить эту задачу, следует выявлять внутренние и внешние связи русской философии с более известными философскими традициями, а не отделять ее от них во

имя мнимой уникальности. Это поможет построить более адекватные схемы историко-философского процесса в России. Уникальный опыт, который привнесла русская философская культура в мировую философию, обретает значение только по достижении общечеловеческих смыслов.

Путь развития русской философии должен свестись к возрождению практик оригинального философского мышления, проявившихся в России в конце XIX – начала XX в. Не просто усвоение философского содержания текстов русских мыслителей прошлого, а воспроизведение живого опыта мышления. Лишь через практику философствования, а именно через обоснование новых идей и поиск надежных аргументов, мы сможем не только продолжать философию, но и понять своих предшественников. Только в этом случае мы станем не только хранителями, но и носителями русской философской традиции.

Сегодня нам необходимо формировать в России новую интеллектуальную культуру, новую философию, способную преодолеть духовный нигилизм и утвердить жизнеутверждающие принципы человеческого существования, обратившись к актуальным философским проблемам современной эпохи [14]. В настоящее время отечественная философия стоит перед необходимостью осмысления и переосмысления достижений мирового опыта философского развития, при этом она должна бережно относиться к своему собственному идейному наследию.

1. Идея преемственности и философская традиция. Интервью с М. Мамардашвили // Историко-философский ежегодник. 1989. М., 1989.
2. *Евlampиев И.И.* Религиозность русской философии как проблема // Вопросы философии. 2012. № 1.
3. *Яковлева Л.Е.* Испанская и русская философские традиции: общее и особенное // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003.
4. *Сухов А.Д.* Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. М., 1995.
5. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991.
6. *Солонин Ю.Н.* Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 3-14.

7. *Смирнова З.В.* Русская мысль первой половины XIX века и проблема исторической традиции (Чаадаев, славянофилы, Герцен) // Вопросы философии. 1995. № 9.
8. *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1.
9. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. В 130-летию Г.Г. Шпета // Вопросы философии. 2010. № 7.
10. *Яковлев А.А.* Претворение традиции // Путь. 1992. № 1.
11. *Каменский З.А.* Культурно-исторические типы или единство историко-философского процесса // Вопросы философии. 1995. № 2.
12. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2.
13. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. СПб., 1993.
14. *Хайдеггер М.* Гегель и греки // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993.
15. *Медведев Н.В.* Национальная философская традиция в России // Философские традиции и современность. 2012. № 1. С. 9-21.

1. *Ideya preemstvennosti i filosofskaya traditsiya.* Interv'yu s M. Mamardashvili // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 1989. М., 1989.
2. *Evlampiev I.I.* Religioznost' russkoy filosofii kak problema // Voprosy filosofii. 2012. № 1.
3. *Yakovleva L.E.* Ispanskaya i russkaya filosofskie traditsii: obshchee i osobennoe // Rabochie tetradi po komparativistike. Gumanitarnye nauki, filosofiya i komparativistika. SPb., 2003.
4. *Sukhov A.D.* Russkaya filosofiya: osobennosti, traditsii, istoricheskie sud'by. М., 1995.
5. *Berdyayev N.A.* Samopoznanie. М., 1991.
6. *Solonin Yu.N.* Privitie filosofii (Filosofskie fakul'tety i filosofskaya kul'tura) // Voprosy filosofii. 2011. № 2. С. 3-14.
7. *Smirnova Z.V.* Russkaya mysl' pervoy poloviny XIX veka i problema istoricheskoy traditsii (Chaadaev, slavyanofily, Gertsen) // Voprosy filosofii. 1995. № 9.
8. *Chaadaev P.Ya.* Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma. М., 1991. Т. 1.
9. Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya. V 130-letiyu G.G. Shpeta // Voprosy filosofii. 2010. № 7.
10. *Yakovlev A.A.* Pretvorenje traditsii // Put'. 1992. № 1.
11. *Kamenskiy Z.A.* Kul'turno-istoricheskie tipy ili edinstvo istoriko-filosofskogo protsessa // Voprosy filosofii. 1995. № 2.
12. *Zen'kovskiy V.V.* Istoriya russkoy filosofii. L., 1991. Т. 2.

13. *Gegel' G.V.F.* Lektsii po istorii filosofii. SPb., 1993.
14. *Khaydegger M.* Gegel' i greki // *Khaydegger M.* Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: per. s nem. M., 1993.
15. *Medvedev N.V.* Natsional'naya filosofskaya traditsiya v Rossii // *Filosofskie traditsii i sovremennost'*. 2012. № 1. S. 9-21.

Поступила в редакцию 14.01.2015 г.

UDC 94(47)

RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION IN THE CONTEXT OF HISTORY OF SPIRITUAL CULTURE OF RUSSIA

Nikolay Vladimirovich MEDVEDEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, e-mail: mnv88@mail.ru

Is reviewed the question on genesis of Russian philosophy; is stated the idea of determination of Russian secular philosophical tradition by non-philosophic supposition, connected with accomplishing of national identification process. At the process of discussing of specifics of national philosophical tradition is touched the problem of use of according methodology of historic and philosophical investigation, also are identified the aims, connected with implementation of philosophic traditions of Russian philosophy. Methodologically important condition of sensible and effective development of native philosophic heritage is the ability to see not only peculiarity and uniqueness of Russian philosophy, its differences from philosophy of the West but also what connects Russian philosophy with the philosophy of the West, what makes it a branch of European tradition of philosophizing. That is how especially relevant becomes the aim of real including of Russian philosophical process in the context of European philosophy. To decide this problem, should be revealed internal and external links of Russian philosophy with the most famous philosophical traditions, but do not separate it from in the name of imaginary uniqueness. This may help to build more adequate schemes of historic and philosophical process in Russia. Unique experience, which brought Russian intellectual culture to the world philosophy, gets the significance only after reaching general human senses.

Key words: historic experience; Russian history; spiritual culture; Russian philosophical tradition; historic and philosophical process; Russian state.